

УДК 165.12

DOI 10.21661/r-118099

И.В. Черепанов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФИЛЬТРЫ СОЗНАНИЯ

Аннотация: в данной статье автором анализируются способы кодировки психического опыта в языковых структурах. Исследуется действие информационных фильтров сознания, запускающих процессы замещения интенциональной предметности и искажения репрезентируемого опыта. Вводятся два измерения символической репрезентации – ноэматическое и псевдоноэматическое. Рассматриваются четыре типа взаимосвязи между репрезентирующим и репрезентируемым. На основании проведенного анализа делается вывод о сутиности сознания как психического механизма, позволяющего отличать репрезентирующее от репрезентируемого.

Ключевые слова: сознание, сознательное, бессознательное, язык, символы, репрезентация, информационные коды психики, информационные фильтры сознания.

I.V. Cherepanov

INFORMATION FILTERS OF CONSCIOUSNESS

Abstract: the article analyzes ways of encoding mental experience in language structures, examines the effect of information filters of consciousness that starts the process of substitution of intentional subject-of-interest and distortion of the represented experience. The author introduces two dimensions of symbolic representation, describes four types of relationships between representing and represented. According to the analysis the essence of consciousness is a psi mechanism distinguishing representing from represented.

Keywords: consciousness, conscious, unconscious, language, symbols, representation, information codes of the psyche, informational filters of consciousness.

Язык, будучи средством общения и познания, имеет в качестве своих основных функций получение, кодировку, хранение, воспроизведение и передачу информации от одного языкового носителя к другому. Символы позволяют не просто кодировать информацию, а упаковывать ее в свернутом и компактном виде, о чем, в частности, говорит Ю.М. Лотман: «Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами» [3, с. 148].

Изначально в языковых структурах кодируется психический опыт, соответствующий познанию интенционально схватываемой сущности, поскольку распаковка смысла репрезентирующего слова, независимо от того, указывает оно на реальный или идеальный предмет, подразумевает дублирование психических актов, в которых конституируется интенциональное единство этого предмета. Согласно реактивной теории значения в бихевиористической модели поведения человека слова обладают смысловым содержанием благодаря тому, что вызывают реакцию, схожую с той, которая обусловлена их предметными референтами. Психогенетически слово как именно вербальный стимул дублирует опыт, который изначально раскрывал соответствующее ему референциальное содержание. Вместе с подобием первичного опыта слова вызывают соответствующее состояние сознания, и, таким образом, умение пользоваться языком дает возможность контролировать поведение человека, что активно используется, например, в техниках нейролингвистического программирования.

Однако слово вызывает именно подобие первичного опыта, но не сам опыт целиком, и за счет этого в процессе речи воспроизводится смысловое содержание, которое, вообще говоря, отличается от того, что изначально кодировалось языковыми структурами. Репрезентативные механизмы предполагают участие информационных фильтров, которые, закрывая доступ к полному опыту, пропускают на сознательный уровень лишь его определенную часть. Эта осознаваемая часть в силу закона амплификации, установленного гештальпсихологами, требует своего дополнения до завершенной, осмысленной, понятой целостности,

и поэтому действие информационных фильтров одновременно запускает процессы замещения интенциональной предметности и искажения репрезентируемого опыта. В предельном случае информационные фильтры вообще не допускают на сознательный уровень изначальное содержание психического опыта, оставляя раскодированным лишь чувственно-эмоциональное отношение, обусловленное этим психическим опытом, в виде тревоги, боли и отчаяния. Например, в силу родовой травмы человек уже в зрелом возрасте может страдать клаустрофобией, и любое замкнутое пространство будет вызывать у него неконтролируемую тревогу, но при этом первичный опыт фрустрации на пренатальной стадии развития не будет допускаться информационными фильтрами на сознательный уровень бытия.

Если опыт кодируется символами, то при воспроизведении этого опыта средствами языка только определенная его часть выводится на сознательный уровень, тогда как первичная целостность переживаний при этом остается скрытой от осознанного понимания. В подобном случае автоматически запускаются механизмы амплификации, и человек дополняет опыт, возвращая ему утраченную целостность, посредством смысловой индукции со стороны ассоциативного поля репрезентирующего символа. Таким образом, семантическое ядро символа расщепляется на две предметные составляющие, одна из которых относится к первичному опыту (и здесь символ выступает в качестве манифестанта скрытого в бессознательной сфере психического материала), а вторая касается нового смыслового содержания, которое генерируется информационными фильтрами сознания. В результате семантическое ядро символа обретает два сущностных измерения – ноэматическое и псевдоноэматическое. Второе замещает первое в сознательной сфере и не подвергается ассилияции, поскольку является не результатом осознанного понимания, а продуктом действия информационных фильтров. В рамках самоидентификации личности псевдоноэматическое ядро символа отражает смысловое содержание того, как человек понимает себя и собственное бытие в окружающем мире, но что, по сути, не соответствует его подлинному психическому опыту. Например, мужчина в межличностном контакте с

женщиной может испытать сильную эмоциональную травму, которая ведет к тому, что он замыкается и символически связывает на уровне языка «женщину» и «опасность», в результате чего он начинает избегать близких отношений, провоцируя их завершение на определенной стадии развития. В данном случае изначально репрезентируется опыт, содержание которого сводится к боли и страданию в связи с тем, что рассматриваемый мужчина остался в одиночестве непонятым и отвергнутым значимой для него женщиной, но действие ассоциативного поля символической связи между «женщиной» и «опасностью» приводит к совершенно иному смысловому содержанию. В итоге символическая репрезентация расщепляет личность мужчины на две конфликтующие части, одна из которых стремится избегать близкого контакта с женщинами, а другая, напротив, желает глубоких и подлинных отношений с представительницами противоположного пола. В данном случае мужчина использует символ в качестве психологической защиты от боли и страдания, а вовсе не как ассилированный способ бытия в окружающем мире.

Дефиницию термина в плане того, каким образом означающее по своему смысловому содержанию соотносится с означаемым, можно разделить на четыре основных вида: 1) субстанциальная дефиниция, 2) атрибутивная дефиниция, 3) модусная дефиниция, 4) символическая дефиниция. Субстанциальная дефиниция определяет некий предмет по сущности, придает ему смысловую оформленность в отношении того, что он есть по своей субстанции и отнятие чего приводит к потере самого предмета целиком. Такая дефиниция, как правило, определяет родовидовую принадлежность предмета. Например, для стола субстанциальной дефиницией будет то, что он является предметом мебели, за которым обычно сидят, а для добра такой дефиницией будет то, что оно является этической категорией, определяющей сферу данного бытия. Атрибутивная дефиниция определяет некий предмет со стороны, которая не характеризует его в отношении субстанции, но без нее предмет не может быть мыслимым в своем онтологическом единстве. Атрибут является свойством предмета, а не его сущно-

стью, но таким свойством, которое неотъемлемо от самого определяемого предмета. Например, в гилозионизме одушевленность является атрибутом материи, а тенденция к самоактуализации является, согласно представлениям гуманистической психологией, атрибутом сознательного бытия человека. Модусная дефиниция определяет онтическое наполнение акцидентального бытия предмета, т.е. собственно то, чем он в одних случаях может являться и что в других случаях может быть ему не присуще. Модус так же, как и атрибут, является свойством предмета, а не его сущностью, но он при этом существует привходящим образом. Например, в материализме сознание – это модус материи, а согласно точке зрения экзистенциалистов, подлинное и неподлинное бытие – это модусы человеческой экзистенции. И, наконец, символическая дефиниция определяет предмет в отношении того, что представляет собой сущностное содержание его энергийного выражения в какой-то инобытийной среде. Используя терминологию Ж. Пиаже, можно сказать, что явление предмета в инобытии приводит либо к ассоциированию, т.е. к конструированию предмета средствами инобытийной среды, либо к аккомодации, т.е. к переструктурированию инобытийной среды в соответствии со смысловой структурой познаваемого предмета. Другими словами, в процессе ассоциирования новое знание определяется через старое, т.е. ассоциативное поле означающего принимает в себя означаемое, тогда как в процессе аккомодации старое знание изменяется под влиянием нового, т.е. ассоциативное поле означаемого подчиняет себе означающее.

Символическая дефиниция определяет не сущность предмета, а сущность его выраженности, явленности в инобытии, т.е. в каком-то познавательном контексте. Символическая репрезентация есть моделирование предмета инобытийными средствами. Например, фотография человека есть символ, указывающий на этого человека, но сама по себе фотография не есть изображенный на ней человек. Однако, показывая на фотографию, мы говорим, что это – такая-то и такая-то личность, отождествляя тем самым означающее и означаемое, а экстрасенсы проводят по фотографии диагностику и лечение, полагая, что работа с образом в данном контексте равносильна работе с прообразом.

Символическая репрезентация определяет один предмет через другой, и если при этом определение понимается как тождество, то ассоциативное поле определяющего предмета поглощает определяемый предмет, лишая его тем самым собственной сущности. Например, человек может сказать: «Я – неудачник» или «Я – успешный предприниматель», «Я – знаменитость» или «Я – изгой», «Я – русский» или «Я – еврей», «Я – буддист» или «Я – христианин», «Я – муж» или «Я – жена», «Я – мужчина» или «Я – женщина». Все это примеры символической дефиниции, которая один предмет определяет через другой и в которой смысловое содержание определяющего предмета влияет на сущность определяемого, но, вообще говоря, не поглощает ее полностью, а лишь дает ей свое выражение в определенном познавательном контексте. Однако, выражая нечто символически, человек может принять это выражение за сущность рассматриваемого предмета и далее сделать умозрительные выводы, связанные с данным предметом, не на основании его предметной сущности и даже не на основании того, как он дан в своей символической репрезентации, а на основании таких символических моментов ассоциативного поля определяющей предметности, которые изначально никак не участвовали в репрезентации определяемого предмета. Поэтому символическую дефиницию, представленную в виде «*X* есть *Y*», где *X* есть определяемое, а *Y* – определяющее, следует также понимать, как утверждение, которое можно представить в виде «*X* есть не только *Y*». Г.В.Ф. Гегель замечает, что «если, с одной стороны, содержание, составляющее значение, и образ, применяемый для его обозначения, и совпадают в одном свойстве, то, с другой стороны, символический образ все же и сам содержит еще другие, совершенно независимые определения, отличные от того общего им обоим качества, которое этот образ однажды означал» [1, с. 314]. Поэтому всякая символическая дефиниция в своем полном варианте должна состоять из двух диалектически дополняющих друг друга противоположных высказываний типа «*X* есть *Y*» и «*X* не есть *Y*». Выражая эту сторону символической репрезентации, А.Ф. Лосев в своей работе «Философия имени» пишет: «Символизм есть апофатизм, а апофатизм есть символизм» [2, с. 84].

Возьмем, например, известную фразу: «Знание есть сила». Эта символическая дефиниция означает, что использование знаний дает силу, которая позволяет достигать определенных целей и дает возможность преобразовывать мир. Но если ассоциативное поле определяющего предмета (понятия силы) поглотит определяемый предмет (понятие знания), то некоторые аспекты определяющего ассоциативного поля, которые изначально не предполагались в данной символической репрезентации, могут автоматически войти в понятие знания и раскрыть его сущностный смысл. Скажем, сила может быть созидающей или разрушающей, конструктивной или деструктивной, и в результате инобытийное конструирование понятия знания смысловыми аспектами, заключенными в понятии силы, приводит к тому, что знанию также приписываются соответствующие качества силы, т.е. оно будет рассматриваться в качестве позитивного или негативного, доброго или злого. Понятно, что сама по себе истина не является ни доброй, ни злой, она иррелевантна по отношению к дилемме «доброе-злое», но символическая формула «знание есть сила» предполагает подобное определение, и значит, из нее вытекает, что существуют знания, которые необходимо избегать и с которыми следует бороться, которые опасны для человека и которые следует уничтожать. Отсюда, в частности, возникает представление о ереси и, вообще, о знании в модусе зла. Примерами такой неполноценной символической репрезентации могут служить непримиримые распри между некоторыми религиозными группами, что наблюдалось, скажем, во времена святой инквизиции и что наблюдается сейчас в священной мусульманской войне джихад. Борьба со знанием была присуща и нашей стране в советские времена, когда буржуазные философские концепции расценивались не просто как неверные, а как именно несущие зло и потому подлежащие воинствующему искоренению из сознания масс.

Таким образом, самоидентификация в виде «Я есть Y» в плане своей семантической полноты должна сопровождаться и противоположным утверждением «Я не есть Y». Если же человек по сущности отождествляет себя самого с некой определяющей предметностью Y, то тем самым он делает свое бытие неполно-

ценным в определенных сферах жизни, которые по своему смысловому содержанию выходят за рамки ассоциативного поля Y. Например, женщина, которая самоидентифицируется в виде «Я есть жена» без соответствующей корректировки «Я есть не только жена», может стать домохозяйкой, которая никак не реализуется вне дома и семьи, но которая имеет определенные способности и желания, вытесненные под давлением со стороны властного мужа или со стороны авторитетных родителей.

Молчанов В.И. в своей работе «Исследования по феноменологии сознания» очень точно подмечает: «Сознание – это опыт различия» [4, с. 237]. Из всего высказанного становится понятным, что сущность сознания сводится к тому, что оно отличает репрезентирующее от репрезентируемого, фиксируя тем самым, что в утверждении «X есть Y» X полностью не сводится к Y. Если же в данном случае происходит полное отождествление X и Y, то сознание исчезает и субъект действует в бессознательном состоянии.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1998. – 1067 с.
 2. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
 3. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. – Таллин, 1992. – 533 с.
 4. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. – 456 с.
-

Черепанов Игорь Владимирович – канд. филос. наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Россия, Новосибирск.

Cherepanov Igor Vladimirovich – candidate of philosophical sciences, senior lecturer FSBEI of HE “Novosibirsk State Technical University”, Russia, Novosibirsk.
